

88.57
П47
СА-387550

АНТОЛОГИЯ
МЫСЛИ

С. В. Познышев

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНЫЕ ТИПЫ

 ЮРАЙТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
biblio-online.ru

ca-384550

С. В. Познышев

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНЫЕ ТИПЫ

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2021
Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

емых задач, выдвигало бы на первый план то, что действительно важно, отводя деталям подобающее им заднее место.

О необходимости систематического криминально-психологического изучения преступников автор высказывался давно¹. Постепенно у него сложился план такого изучения, наметился круг важнейших вопросов исследования, и накопился большой материал, почерпнутый им при постоянных посещениях мест заключения и залов судебных заседаний.

Оглавление

Предисловие	6
Введение. Криминально-психологическое изучение преступника, его задачи, необходимость и значение	9
Глава 1. Преступный тип	17
Глава 2. Два основных преступных типа: эндогенные и экзогенные преступники. Общая их характеристика	38
Глава 3. Основные и дополнительные признаки преступного типа	83
Глава 4. Экзогенные преступники	109
Глава 5. Эндогенные преступники: главные их разновидности, общая характеристика	129
Глава 6. Импульсивные преступники	139
Глава 7. Эмоциональные преступники	249
Глава 8. Преступники расчетливо-рассудочные. Резонеры и идейные преступники	267
Глава 9. К вопросу о программе криминально-психологического исследования	287

Введение

КРИМИНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА, ЕГО ЗАДАЧИ, НЕОБХОДИМОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Те элементы, из которых слагается «личный» корень преступления, можно назвать **эндогенным** и факторами, а те внешние события, которые толкнули субъекта на преступление, — **экзогенным** и факторами этого преступления. В происхождении каждого преступления участвуют и те и другие факторы, только в одних случаях преобладающая роль принадлежит факторам эндогенным, а в других, наоборот, — экзогенным. Но ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности. Нарисуйте какую угодно цепь внешних событий, все равно для того, чтобы под давлением их произошло преступление, необходимо прибавить к ним известный склад личности. Личность иного склада в тех же условиях или совершит иное преступление, чем данное, или вовсе не совершит преступления, а найдет иной выход из своего положения, — может быть, кончит самоубийством, пойдет просить милостыню, помирится с родственниками, с которыми была в ссоре, и попросит у них прощения, переменит профессию, вступит в выгодный брак и т. д. Если же нарисовать картину таких условий, при которых для человека исчезает возможность выбора и он фатально влечется к известной форме реакции на полученные им впечатления, то к таким случаям не может быть прилагаемо понятие преступления. Это несчастные случаи, которые не могут влечь за собой никакой уголовной ответственности. Преступление предполагает вину — умысел или неосторожность, а вина пока-

зывает, что в личности совершившего преступление есть нечто, что послужило корнем этого преступления. Проявившаяся в том или ином преступлении вина есть преходящее конкретное настроение, которое сложилось у человека под влиянием двух сил: действия на него различных событий, происходивших в окружающей среде, с одной стороны, и его психической конституции — с другой¹.

Заключается ли преступление в том, что человек совершил нечто запрещенное уголовным законом или не выполнил того, что уголовный закон предписывает, т. е. заключается ли оно в наказуемом содеянии или в бездействии, оно всегда есть волевой акт и как таковой представляет собою известную моторную реакцию на полученные индивидом впечатления. В основе этой реакции лежит выбор из представлявшихся возможностей, а в этом выборе проявляется вся духовная личность преступника с присущим ей запасом жизненного опыта, с ее способностью или неспособностью предвидеть более или менее далекое будущее, с накопившимися у нее волевыми навыками и тенденциями к определенным видам поведения. Когда человек совершает преступление, он предварительно решает вести себя определенным образом. В его сознании появляется мысль об известном поведении и, так сказать, получает санкцию; при этом, быть может, он даже ошибочно рисует себе результат этого поведения. В тех случаях, когда он действует умышленно, он сознает, что его деятельность составит или будет иметь своим последствием преступление; его решение поступить определенным образом складывается тогда при наличности этого сознания. Когда он совершает преступление по неосторожности, он решает поступить известным образом или не предвидя преступных последствий своего поведения, при возможности, однако, их предвидеть, или предвидя их, но легкомысленно рассчитывая, что они будут предотвращены настоящим или будущим вмешательством определенных факторов. Для того чтобы вполне правильно оценить виновника того или иного преступления, с точки зрения большей или меньшей опасности его для правопорядка, необходимо учесть, с одной стороны, те элементы его личности, которые влияли на сделанный им выбор положительным образом, т. е., так сказать, склоняли к нему, а с другой стороны, — те, которые служили источником мотивов, удерживавших или отталкивавших

¹ Подробно см. мой «Очерк основных начал науки уголовного права». I. 1923. § 107 сл.; 183 сл.

от преступления и подсказывавших иной выход из создавшегося положения. Иными словами, мы должны учесть все, что, так сказать, криминогенно и криминарепульсивно в свойствах данной личности. Соотношением элементов этих двух категорий и определяется степень опасности, представляемой данной личностью для правопорядка. Таким образом, глубокое понимание преступления предполагает не только исследование его внешней стороны и установление вины преступника, но и выяснение того отношения, которое существует между виной как отдельным настроением личности и конституцией этой личности. Этим отношением и определяется, в каком смысле и в какой степени данный субъект опасен для правопорядка, как велика вероятность повторного преступления с его стороны.

Из сказанного ясно, что одного учения о разных формах вины и обстоятельствах, влияющих на них в ту или другую сторону, недостаточно. Необходимо еще психологическое учение о преступной личности в ее целом, которое раскрывало бы нам те типичные складки этой личности, на почве которых вырастают проявляющиеся в различных преступлениях разнообразные оттенки умысла и неосторожности.

Крайне ошибочно было бы думать, что преступный мир можно и нужно изучать лишь с точки зрения психопатологической или, хотя бы шире, — медицинской, т. е. лишь со стороны обнаруживающихся у его представителей отклонений от того, что считается физическим и душевным здоровьем человека. Никто не станет, разумеется, оспаривать важности такого изучения, но, если не терять из виду современного взгляда на уголовное наказание, необходимости глубокого ознакомления с личностью подсудимого в уголовном процессе и чрезвычайно сложных и быстро растущих задач педагогического характера, стоящих перед пенитенциарными учреждениями, то нельзя ни минуты сомневаться, что такое изучение не является ни единственно возможным и нужным, ни даже главным и самым важным для успешной борьбы с преступностью. Конечно, судье или следователю важно знать, болен или здоров стоящий перед ними преступник, но им важно и нужно знать не только это, а и многое такое о личности этого человека, что выходит далеко за пределы врачебного исследования. Значительный процент преступников — и часто преступников очень тяжких — здоровы, но это не значит, что они представляют однородную, сплошную массу, которую не стоит изучать

со стороны особенностей составляющих ее индивидов; наоборот, среди этой части преступного мира существует масса разнообразнейших типов, которые очень важно различать как для профилактики преступности, так и для борьбы с последней мерами уголовного правосудия. С другой стороны, и у тех преступников, которые, хотя и не лишены известных патологических черт, но тем не менее признаны ненуждающимися в содержании в психиатрическом учреждении и уголовно ответственными, немало таких особенностей в психическом складе, которые стоят за пределами врачебного исследования и не обнимаются им, но знание которых очень важно для принятия в отношении этих преступников действенных мер, а иногда даже и для понимания, во всей их полноте и своеобразии, присущих им патологических черт. К таким преступникам принадлежат многие лица, страдающие неврастением, истерией, эпилепсией, лица, обозначаемые расплывчатым и неопределенным термином психопатов, и т. п. Если они признаны вменяемыми и виновными, то должны подлежать уголовной ответственности, но последней следует придать особый характер, определяющийся, с одной стороны, их патологическими, а с другой — криминогенными чертами.

Для того чтобы разумно решить, какие меры надо применить к тому или иному преступнику, в целях удаления его с преступного пути, нужно, во-первых, знать, что именно в его личности послужило корнем его преступления и каким изменениям должны подвергнуться эти элементы его личности, а, во-вторых, какого рода психологическому воздействию должен он подвергнуться для того, чтобы было достигнуто то именно изменение его личности, которое необходимо в общественных интересах. Для решения этих вопросов необходимо выяснить, к какой разновидности преступного мира принадлежит данный субъект, и иметь ряд общих сведений о присущих представителям этой разновидности криминогенных особенностях и о целесообразных способах воздействия на них. Криминальная психология и должна дать твердые основания для решения всех этих вопросов. Кратко ее можно определить как **психологию борьбы с преступностью**. Она рассматривает преступление как проявление психической конституции личности. Она устанавливает и исследует различные типы преступников (**криминальная типология**), а также признаки и приемы их распознавания (**криминальная дифференциальная диагностика**). Она устанавливает те типы психоло-

гического воздействия, которым для целей уголовной юстиции должны подвергаться носители разных криминальных типов (**криминальная педагогика**)¹. Она изучает, наконец, те психические процессы, которые находят свое выражение в судебном и досудебном исследовании преступления и преступника².

Говоря вообще, она изучает все те психические состояния личности, которые оказывают то или иное влияние на уголовную ответственность. Психические состояния, при которых уголовная ответственность отпадает совершенно, — так называемые состояния невменяемости, — лежат за ее пределами. Подобно тому как психология изучает душевную жизнь душевно здоровых людей, оставляя психиатрам обширную область разнообразных форм болезненного расстройства душевной деятельности, криминальная психология имеет дело лишь с лицами, которые нарушили уголовный закон не в состоянии душевной болезни.

Предмет криминальной психологии составляют не отдельные психические процессы, в возможном мысленном их обособлении, а личность в известном круге ее проявлений, относящихся к области преступления или борьбы с последним. Изучение отдельных психических реакций и особенностей их течения занимает в ней второе место и имеет дополнительное значение. На первом плане в ней стоит личность, под действием известных обстоятельств и обстановки проявляющая себя в определенных формах поведения, относящихся к сфере преступления или борьбы с последним. Основное значение в ней имеют наблюдение поведения личности и точное научное описание отдельных фактов, ее характеризующих или объясняющих, сравнение и анализ добытых данных и установление типов. Данные для своих выводов и описаний криминалист-психолог получает путем тщательного исследования отдельных случаев преступлений и обследования их виновников, их физического и психического состояния, имущественного, семейного и социального положения, а также путем изучения отдельных уголовных процессов. Изучение различных сторон личности

¹ Указание тех карательных мер и лучших форм их организации, в которых могут найти свое осуществление установленные типы психологического воздействия, составляют задачу **пенологии**.

² Название **судебной психологии** для этой научной ветви несколько узко, так как в круг ее проблем входят между прочим не только психология сознания обвиняемого, свидетельских показаний, судебной экспертизы и судебного решения, но и психология предварительного следствия и розыска. Более удобен и шире термин «**уголовно-процессуальная психология**».

по данным истории ее жизни — вот путь криминалиста-психолога. К своим обобщениям он должен идти от внимательно проверенных и изученных конкретных фактов. Ему необходимо подробно ознакомиться со всей историей жизни данного преступника, с детства и до настоящего момента. Необходимо выяснить по фактам жизни, как реагировала данная личность в различных жизненных положениях. Нужно представить себе ясную картину тех условий, в атмосфере которых складывался характер данного преступника: характер и взаимные отношения его родителей или воспитателей, материальное и социальное положение, внутреннюю жизнь семьи, характер школы, в которой учился данный субъект, что его в школе интересовало и что, наоборот, давалось ему с трудом и казалось неинтересным, и т. д. Впечатления детства и юности часто оказываются роковыми для всей последующей жизни человека. Состояние родителей субъекта важно и в другом отношении — в смысле передачи по наследству тех или иных качеств и предрасположений. Словом, криминальная психология должна идти по пути возможно углубленного и полного изучения психической конституции субъекта в процессе ее постепенного образования и изменения с детства и до настоящего момента.

В качестве дополнительного приема криминалист-психолог пользуется между прочим и методом статистическим; но последний имеет значение в криминально-психологическом исследовании, лишь поскольку он применяется к данным, добытым или проверенным тщательным индивидуальным обследованием. Криминалист-психолог не должен во что бы то ни стало гнаться за большими цифрами; он должен, главным образом, стараться в немногом, но внимательно исследованном и проверенном найти многое.

Исследование личности преступника должно вестись таким образом, чтобы оно раскрывало тот тип, носителем которого является данный субъект. Необходимо собрать возможно полные данные о состоянии преступника непосредственно перед совершением преступления, во время совершения последнего и после этого, как до суда и отбытия наказания, так и во время отбытия заключения. Между прочим психология раскаяния преступника и психология заключенного составляют две частные проблемы криминальной психологии, среди многих других подлежащие самому тщательному изучению. Во время пребывания в карательном учреждении заключенный должен быть объектом постоянного наблюдения, задачей которого явля-

2-384550

ется выяснить во всей их полноте криминогенные элементы его психической конституции и те изменения, которые в них происходят под влиянием заключения и дают основание сделать вывод, что черты преступного типа, носителем которого является данный субъект, у него бледнеют и стираются или, напротив, укрепляются, становятся ярче, развиваются. Такое наблюдение должно вестись по особой программе с возможной индивидуализацией ее в отношении отдельных заключенных. Так как криминально-психологическое исследование имеет дело с личностью в ее целом, причем главное место в нем занимает изучение эмоциональной и волевой сфер личности, мало поддающихся экспериментальному исследованию, то экспериментальные методы могут иметь лишь ограниченное значение в криминальной психологии. Однако немало и таких случаев, когда они могут служить для криминалиста-психолога ценным подспорьем как средство обнаружить те или иные элементы конституции субъекта и наличность или отсутствие известного признака, имеющего значение для решения вопроса, носителем какого именно криминального типа является данный субъект. В настоящее время, когда закладывается только фундамент криминальной психологии и проводятся лишь общие разграничительные линии, отделяющие главные криминальные типы друг от друга, роль экспериментальных методов в криминальной психологии меньше, чем она будет с дальнейшим развитием этой отрасли знания.

Много важных и интересных для него данных криминалист-психолог может получить из разных документов, содержащих в себе те или иные сведения о прошлом личности и отдельных ее переживаниях, — из писем, дневников, сочинений преступников, вообще из разных продуктов творчества преступников — из их литературных произведений, произведений искусства (скульптурных произведений, картин и т. п.), между прочим и из их особого жаргона и татуировок¹.

¹ Что касается татуировок, то следует, однако, предостеречь от заключений о личности носителя татуировки на основании факта нахождения и характера этой татуировки. Татуировка вовсе не составляет характерной особенности преступников. Ее нередко можно встретить и у людей, не совершавших никаких преступлений и притом психически здоровых. Она широко распространена в известных социальных слоях, например среди моряков. Содержание и форма татуировки зависят обыкновенно не оттого, на чем теле она изображается, а от рисовальщика. Носителю татуировки или вовсе не предоставляется выбора рисунка, или предоставляется выбор между двумя-тремя придавать татуировке какое-либо атавистическое значение, т. е. думать, что она указывает на приближение преступников к дикарям.

Глава 2

ДВА ОСНОВНЫХ ПРЕСТУПНЫХ ТИПА:

ЭНДОГЕННЫЕ И ЭКЗОГЕННЫЕ

ПРЕСТУПНИКИ.

ОБЩАЯ ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

I

Исследуя какое-либо преступление, необходимо обратить внимание прежде всего на то, чем было вызвано решение человека совершить это преступление. Из факта виновного совершения преступления ясно, что в момент преступной деятельности представление этого преступления заняло господствующее место в сознании данного субъекта, стало центром ассоциаций, причем ассоциации, ему враждебные, или не появились в поле сознания вовсе, или были с него оттеснены. Почему же это произошло? В чем заключалась основная причина такого настроения человека? Это могло быть или в силу известных свойств самой личности, определенных ее склонностей, или в силу внешних условий, в которых она оказалась. Иными словами, то преобладание или господство, которое получило представление данного преступления в сознании субъекта, объясняется или тем, что в конституции этого субъекта существуют такие отложения, в силу которых сознание его наполнилось ассоциациями, поддерживавшими и укреплявшими стремление к преступлению и не допускавшими проникновения в фиксационную точку сознания враждебных им ассоциаций, или тем, что внешние обстоятельства своим давлением прорвали задерживающее влияние криминалорепульсивной части конституции субъекта ввиду сравнительной слабости этой стороны его личности.

Таким образом, мы имеем перед собой два различных преступных типа: тип, у которого преобладание в сознании пред-

ставления преступления и влечения к последнему в момент совершения этого преступления объясняется особыми свойствами личности, образующими предрасположение к данному преступлению, и другой тип, у которого означенное преобладание объясняется давлением внешних обстоятельств и сравнительно слабым задерживающим влиянием криминалорепульсивной части конституции. Иными словами, существуют два типа преступника: тип, отмеченный более или менее сильным **предрасположением** к известным видам преступной деятельности, и тип, свободный от этого предрасположения, но отличающийся таким ослаблением морального тонуса, при котором у человека нет достаточно живой и сильной склонности избегать преступления, почему, попав под давление тяжелых внешних обстоятельств, он и не обнаруживает достаточной активности в устранении затруднительного положения преступным путем. Преступники первого типа, если и совершают преступление при тяжелых внешних обстоятельствах, то главным образом не вследствие давления на них этих обстоятельств; главная роль принадлежит их предрасположению к преступлению. У преступников второго типа преобладающая роль в генезисе их преступлений принадлежит внешним факторам. Первый тип я называю **эндогенным**, а второй — **экзогенным**. В литературе и разговорной речи часто говорят о «случайных» и «привычных» преступниках, но термины эти надо отвергнуть самым решительным образом. И с логической, и с психологической точек зрения они крайне несостоятельны. Никто не становится преступником «случайно»; всегда есть ряд обстоятельств, которые привели человека к совершенному им преступлению. Каждое преступление имеет свой «личный» корень, но у одних преступников он иной, чем у других, и играет менее деятельную и видную роль в генезисе их преступлений. Называть некоторых преступников «привычными» — значит употреблять самый неподходящий термин. Совершая «привычное» действие, мы предварительно не вырабатываем его плана и не взвешиваем доводов *pro* и *contra* известного способа его выполнения. Преступление же даже завзятыми профессионалами совершается всегда по определенному конкретному плану, с взвешиванием шансов за и против. Ни о каком действии по привычке в данном случае говорить нельзя. Вот почему я и употребляю термины «эндогенный» и «экзогенный» как несравненно более удачные и отвечающие существу дела; применяя их к преступникам, мы тем самым выражаем, что

среди причин преступной деятельности одних преобладающая роль принадлежит их предрасположению к преступлению, а у других — внешним факторам.

Различие между эндогенными и экзогенными преступниками чрезвычайно важно и с теоретической, и с практической точек зрения; оно имеет большое значение для правильной обрисовки наказуемости в законе, для целей розыска, следствия и суда, а также с пенитенциарно-педагогической точки зрения, для применения к носителям этих типов соответствующего пенитенциарного режима. На нем следует поэтому остановиться с достаточной подробностью. Это и составляет первую задачу настоящей главы. Вместе с тем необходимо решить и другой вопрос: каким образом узнать, принадлежит ли тот или другой преступник к эндогенным или экзогенным, находится ли он в состоянии, свойственном представителям первого или второго типа?

Так как о наличии или отсутствии у человека известных склонностей мы можем с уверенностью заключить лишь на основании проанализированных фактов его поведения — причем даже его собственные заявления не всегда служат надежными основаниями для подобных заключений, — то для решения указанной задачи необходимо обратиться к изучению поведения субъекта и, прежде всего, его преступления. Ввиду того что нельзя производить эксперименты, ставя людей искусственно под давление то более, то менее тяжелых внешних обстоятельств и наблюдая, будут ли они реагировать под действием этих факторов преступным образом или нет, приходится основываться лишь на тех экспериментах, которые произведены самой жизнью, т. е. на фактах действительного поведения при разных жизненных условиях. Если бы мы производили указанный эксперимент, мы сначала искусственно поставили бы человека под действие известной причины и наблюдали бы результат этого действия. Путь криминалиста-психолога — обратный: перед ним сложное следствие ряда факторов — преступление, отправляясь от которого он должен распутать клубок породивших его причин и выяснить роль среди последних психической конституции субъекта. В своей исследовательской работе он идет от следствия к причине. Взяв за точку отправления это следствие, он должен прежде всего выяснить, в атмосфере каких внешних условий оно сложилось, под впечатлением каких внешних событий находился субъект в момент преступления, действовал ли он при усло-

виях, которые можно назвать сравнительно благоприятными и хорошими, или при обстоятельствах, не представлявших ничего особенного по сравнению с обычным течением жизни и доставлявших ему разве лишь небольшие страдания, или, напротив, его решение совершить преступление сложилось под действием таких внешних событий, которые причиняли или грозили причинить ему самому или близким ему лицам такие страдания, которые представляются серьезными или значительными, по крайней мере в глазах лиц той социальной группы, к которой он принадлежит. Получение того или иного ответа на этот вопрос чрезвычайно важно для характеристики преступника и отнесения его к тому или иному типу.

Для того чтобы признать преступника экзогенным, нужно установить:

- 1) что о жизни субъекта этому преступлению предшествовало известное внешнее событие, которое поставило его или кого-либо из близких ему лиц в более или менее тяжелое положение тем, что причинило или грозило причинить им страдания, которые — по крайней мере в глазах лиц той социальной группы, к которой принадлежит данный субъект, — считаются серьезными;

- 2) что это событие и созданное им положение произвели сильное на него впечатление;

- 3) что у него нет склонности к такому образу действий, который сходен с преступлением или обнимает последнее как одну из форм своего проявления;

- 4) что у него недоразвиты или ослаблены те элементы криминалорепульсивной части конституции, которые были нужны для того, чтобы преодолеть впечатление, произведенное неблагоприятными внешними обстоятельствами, и с большей энергией искать непроступного выхода из создавшегося тяжелого положения. Для полной уверенности в принадлежности субъекта к экзогенным преступникам полезно посмотреть, не было ли в его жизни случаев, когда он при неблагоприятных жизненных условиях несколько меньшей силы, чем настоящее тяжелое положение, справлялся с встреченными им затруднениями непроступным путем.

Экзогенный преступник совершает преступление не ради того, чтобы к своим хорошим или сносным условиям прибавить новое наслаждение, получаемое от самого процесса исполнения преступления или от его последствий, а ради полного или частичного освобождения себя от испытываемых им или угро-

жающих ему более или менее серьезных страданий. Он совершает преступление не только при наличии тяжелых условий, в которых он находится, но и **вследствие** этих условий. Событие, которое служит для него толчком к преступной деятельности, или сразу, катастрофически выбивает его из нормальных условий жизни, или действует длительно, причем в течение известного времени субъект выносит его действие и старается устранить или по крайней мере смягчить его легальными средствами, а потом бросает легальные формы борьбы и решается на преступление. В устранении создавшегося более или менее тяжелого положения легальным путем экзогенный преступник обнаруживает недостаточную активность.

Заключение о принадлежности данного преступника к экзогенным будет обосновано особенно полно, если удастся установить, что субъект предварительно делал попытку не преступным путем избавиться от давления неблагоприятных внешних обстоятельств, что общий склад его характера и жизни и его взгляды не таковы, чтобы благоприятствовать развитию стремления к преступлению при отсутствии особо неблагоприятных внешних условий. Вот один из примеров экзогенной преступности.

27 декабря 1923 г. по деревне Рассохе, Вологодского уезда, Вологодской губернии, около 7 часов вечера проходил, прося милостыню, крестьянин той же губернии Иван Алексеевич Х., 19 лет. Один из жителей Рассохы — Савичев — заметил, что Х. очень плохо одет, совсем по-летнему, и имеет на ногах очень истрепанную кожаную обувь. Он пожалел его, дал ему хлеба и обещал подарить старые валенки. Х. попросил позволения переночевать. Савичев согласился на это, накормил и напоил его чаем и положил спать на печке, а сам улегся возле печки на кровати. Х. лежал на печке, не спал и думал о тяжелом положении своей семьи. Затем он прислушался, убедился, что хозяин заснул, слез с печки, взял из-под кровати топор и в сильном волнении некоторое время, с топором в руках, стоял около спящего. Он колебался, потому что ему жалко было доброго человека. Затем сразу взмахнул топором и ударил Савичева по кисти правой руки, которая лежала на голове. От удара Савичев проснулся, вскочил на ноги и закричал. У убийцы выпал топор из рук, но он быстро его поднял и, один за другим, нанес Савичеву несколько ударов: два удара в голову, один — в шею и два удара в левую руку и ключицу. Удары в голову и ключицу отнесены экспертизой к числу легких, удары в шею и правую руку — к менее тяжким,

а ранение левой руки признано тяжким и повлекло за собой ее ампутацию. Ранение правой руки повлекло ограничение действий двух пальцев, а удары в голову — глухоту. Все в совокупности ранения тяжки и опасны для жизни. Х. признает, что имел в виду убить Савичева, что первый удар, пришедший по правой руке, он направил в голову, но сколько затем он нанес ударов и в какие места, он не помнит. Раненый Савичев имел все же силу встать и направиться к выходу. Х. вскочил ему на плечи и продолжал бить его кулаками по голове. Савичеву все-таки удалось, с Х. на плечах, выскочить на улицу и поднять тревогу. Х. бросил его, вбежал назад в избу, схватил новые валенки и, с валенками в руках, бросился бежать. Версты две он бежал босиком, держа валенки в руках и, в растерянности, не сообразив их надеть. Стало очень холодно, ноги замерзали, а он все бежал, пока не добежал до какого-то оставшегося в поле шалаша, в который и спрятался. Здесь он провел ночь и очень боялся волков. На следующий день его нашли и арестовали. Он во всем сознался и приговорен судом к девяти годам заключения со строгой изоляцией, без поражения прав.

Иван Х. — сын бедных родителей, которые занимались крестьянским хозяйством, причем при жизни отца хозяйство кое-как еще шло, была и лошадь, и корова, а после его смерти, в 1922 г., лошадь и корова были проданы, хозяйство пришло в полный упадок и мать Ивана с детьми побиравлась. Детей в семье было четверо; Иван имеет двух братьев — 3 и 6 лет — и сестру немного старше его. Отец его вернулся в 1917 г. с германской войны совсем больной; у него, по словам Ивана, «была внутри какая-то болезнь, от которой он худел, кашлял, и у него шла горлом кровь». Он характеризует отца как человека доброго, который бил детей редко и «только за дело», с матерью не дрался, пил очень немного. Мать Ивана — чахоточная, болеет с 1918 г. Она строже отца, но тоже добрая, лишь «редко когда бывало за волосы потаскает». После смерти отца немного им помогал дядя, но он сам живет очень бедно с семьей в 10 человек, так что достаточной поддержки оказать не мог. Матери с детьми пришлось побираться. Иван очень любит мать и вообще всю свою семью, и сейчас, сидя в тюрьме, все думает: «Как-то там matka с детьми управляется». Он вообще очень семействен, и его сильно озабочивает положение больной матери и братьев. До 15 лет Иван жил дома, а с 15 лет стал жить «по чужим людям»: работал на железной дороге в качестве чернорабочего в течение двух лет. Потом опять жил дома.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30**